

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 4. С. 241–247.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2021. Vol. 4, no. 4. P. 241–247.

Рецензия на книгу / Book Review

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2021-4-4-241-247

ИСТИНА ТРАГЕДИИ И ТРАГЕДИЯ ИСТИНЫ

Oppo, A. “Lev Shestov. The Philosophy and Works of a Tragic Thinker”. — Boston: Academic Studies Press, 2020. — 346 p.

Ксения Владимировна Ворожихина

Институт философии РАН, Москва, Россия,
x.vorozhikhina@gmail.com

Ссылка для цитирования: Ворожихина К. В. Истина трагедии и трагедия истины // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 4. С. 241–247. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2021-4-4-241-247>.

Academic Life. Reviews

THE TRUTH OF TRAGEDY AND THE TRAGEDY OF TRUTH

Oppo, A. “Lev Shestov. The Philosophy and Works of a Tragic Thinker”. — Boston: Academic Studies Press, 2020. — 346 p.

Ksenia V. Vorozhikhina

Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russia, x.vorozhikhina@gmail.com

© Ворожихина К. В., 2021

For citation: Vorozhikhina, K.V. (2021) 'The Truth of Tragedy and the Tragedy of Truth', *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(4), pp. 241–247. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2021-4-4-241-247.

Первые отзывы европейских критиков на сочинения Льва Шестова стали появляться в начале 1920-х годов, когда были опубликованы переводы отдельных его работ на французский язык¹. Сегодня, столетие спустя, интерес к творчеству мыслителя за рубежом всё еще сохраняется, о чем свидетельствуют многочисленные исследования, переводы и публикации². В конце 2020 года вышла новая книга, посвященная жизни и творчеству «трагического мыслителя» Льва Шестова, автор которой, профессор Папского факультета теологии Сардинии Андреа Оппо, известен переводами на итальянский двух сочинений русского философа («Edmund Husserl: Ricordo di un filosofo» (2014), «L'idea di bene in Tolstoj e Nietzsche» (2014)).

Для Андреа Оппо Шестов — нетипичный мыслитель. Он подчеркивает (вслед за Б. Шлэцером и Б. Фонданом), что в рассуждениях философа ничто не является тем, чем кажется: в безнадежности открывается надежда, самое субъективное на первый взгляд рассуждение оказывается объективным (р. XII). Шестова нужно читать между строк, убежден автор книги. Сам русский философ был таким проникательным, «эмпатичным» читателем. Его интересовали скрытые смыслы, психологические подтексты и основания философских доктрин и учений, сокровеннейшее в духовном и жизненном опыте тех, кого можно назвать его интеллектуальными собеседниками («Где заканчивается мысль Толстого, Достоевского, Ницше? Каковы были их основополагающие предпосылки?» (р. XII)). В своих рассуждениях, отмечает Оппо, Шестов приходит к предельным результатам, и в этом оказывается по-своему прав.

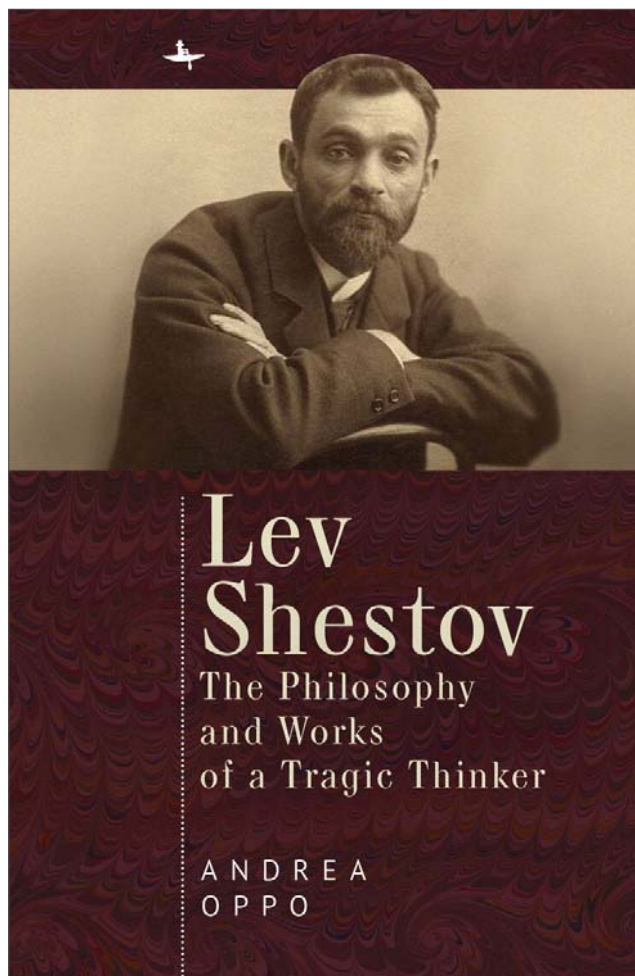
Трагичность, по мнению итальянского исследователя, — ключевое слово для понимания философии Шестова. Согласно Оппо, Шестов не был ни скептиком, ни экзистенциалистом, ни нигилистом, ни иррационалистом, ни мисти-

¹ *Chestov L. Les révélations de la mort. Dostoïevsky — Tolstoï*, trad. et préface de Boris de Schloezer, Paris: Librairie Plon, 1923; *Chestov L. L'Idée de bien chez Tolstoï et Nietzsche. Philosophie et prédication*, trad. de T. Beresovski-Chestov et Georges Batailles, introd. de Jules de Gaultier. Paris: Siècle, 1925; *Chestov L. La Nuit de Gethsémani. Essai sur la philosophie de Pascal*, trad. de M. Exempliarsky, préface de D. Halèvy. Paris: Bernard Grasset, 1923; *Chestov L. Dostoïevski et la lutte contre les évidences // Nouvelle Revue Française*. 1922. T. XVIII. P. 134–158.

² См., напр., *Piron G. Léon Chestov, philosophe du déracinement*. Lausanne: L'Age d'Homme, 2010; *Finkenthal M. Existential Philosopher and Religious Thinker*. N.Y.: Peter Lang Publishing Inc., 2010 и др.

ком; он «трагический мыслитель» par excellence (р. 2). Раскрытию феномена трагического философ посвятил все свои сочинения. Он ищет и находит его в искусстве и литературе; в жизни и идеях людей, по душам которых «странствует»; в религиозной вере, которая является вершиной трагедии. Трагичность человеческого существования, по Шестову, заключается, согласно интерпретации Оппо, в невозможности примирения между разумом и действительностью, мыслью и жизнью (р. XI).

К сфере трагического подтолкнуло философа творчество Шекспира; английский драматург помог Шестову поставить краеугольный вопрос — о смысле человеческого страдания. Ответ на него он искал у Ницше и Достоевского.

Неодинокий мыслитель

На основе детального анализа сочинений Шестова, а также благодаря работе с архивом философа, хранящимся в Библиотеке Сорбонны, Оппо приходит к пересмотру ряда положений, закрепившихся в шестововедении. Прежде всего, по мнению автора книги, Шестов не был «одиноким мыслителем», поскольку его понимание творчества Достоевского и Ницше имело решающее и определяющее значение для постсоловьёвской религиозной философии в России, а также для западной экзистенциальной мысли. По мнению Оппо, Шестов опередил свое время, оставив в стороне идеалистические и социальные истолкования философии Ницше, предвосхитив более поздние экзистенциальное и христианское прочтения (р. 44). Книга «Достоевский и Ницше (философия трагедии)» (1903) была переведена на многие языки мира и стала классической интерпретацией творчества Достоевского.

Автор отмечает, что шестовское толкование Ницше в очерке «Добро в учении гр. Толстого и Ницше (философия и проповедь)» (1900) отличалось от

других работ о немецком мыслителе, выходивших в России, и по тону, и по содержанию (р. 45). Интересно, указывает он, что Шестов и Мережковский совершенно расходятся в своем понимании Ницше, несмотря на то что оба стоят на позиции имморализма. Мережковский выстраивает серию позитивных антитез: Христос и Антихрист, Небо и Земля, христианская святость души и греческая святость тела; Шестов движется в «антиметафизическом» направлении — к определению проблемы столкновения жизни и морали (р. 45).

Оппо подчеркивает, что Шестов оказал колоссальное влияние на русскую рецепцию Ницше; его сочинения породили «ницшеанскую волну» в России первого десятилетия XX века. Перспектива анализа, раскрывающая связь Ницше и Достоевского, которую Шестов продемонстрировал в книге «Достоевский и Ницше (философия трагедии)», оказалась крайне продуктивной. Главная идея философа состоит в том, что Достоевский и Ницше являются братьями по духу — бунтующими против морали искателями настоящей истины, обретающейся в «подполье». Вероятно, считает Оппо, это самая значительная идея Шестова, выраженная им в период жизни в России (а книга «Достоевский и Ницше» — вершина его успеха на родине). Ницшеанское прочтение образа Ивана Карамазова С. Булгаковым («Иван Карамазов как философский тип»), ницшевская тема у С. Франка, бердяевская философия свободы, в которую инкорпорирован ницшеанский апофеоз творчества, — всё это было бы невозможно без шестовского анализа феномена Ницше, без прояснения связи, роднящей Ницше и Достоевского (р. 46).

Концепт «подполья», призыв к «переоценке ценностей» в интерпретации Шестова были восприняты Серебряным веком, в отличие от «Апофеоза беспочвенности» (1905), который ни к чему не призывал, но ставил в тупик (р. 56).

В «Апофеозе беспочвенности» Оппо открывает эстетическую теорию Шестова, в центре которой стоит соотношение искусства (прежде всего литературы) и истины. «Апофеоз беспочвенности» — самое «эстетическое» сочинение Шестова, порожденное его «философией трагедии» (р. 62). Для Шестова искусство обладает особой силой, дает ключ к постижению истины человеческого существования: искусство — чистейший, первичный и, возможно, единственный источник истины, которую рациональное мышление не способно открыть (р. 75).

Мизология

Оппо отмечает, что Шестов принадлежит к западной философской традиции (возможно, в большей степени, чем другие русские мыслители). Философы, которые ему близки, на которых он опирается в поисках границ метафизики, — Ницше, Паскаль, Кьеркегор и, что характерно, Плотин (р. XIV).

По мнению Оппо, с 1920 года ключевой фигурой для Шестова становится именно этот античный мыслитель. Теперь Плотин, а не Ницше, оказывается двойником Достоевского; врагом трагической истины Достоевского становится не мораль Канта или Толстого, а теория познания (Аристотеля или Гуссерля) (р. 138). Если до эмиграции Шестов говорит о трагедии морали, которая рождается из страха перед жизнью, то в более поздний период он рассуждает о трагедии истины.

Оппо подробно анализирует портрет Плотина в сочинениях Шестова, детально разбирает его интерпретацию. Он отмечает, что для Шестова деятельность греческого мыслителя-платоника представляет собой поворотный момент в развитии западной философии. Она знаменует ее внутренний кризис и является бунтом философии против самой себя (р. 151). Автор книги показывает, что шестовское представление о Плотине вполне самобытно и не соответствует ни одной современной Шестову интерпретации. В «странствованиях по душам» русский мыслитель следует своей интуиции. Хотя трактовка Шестовым идей Плотина, как подчеркивает Оппо, не является целостной, не претендует на полноту — не покрывает всего спектра мысли философа, считающегося родоначальником неоплатонизма, — нельзя утверждать, что она совершенно безосновательна и произвольна (р. 152).

В учении Плотина Шестов сфокусировался на экстазах и прежде всего интересовался мистическим поворотом его мысли (р. 153), но при этом видел связь Плотина с предшественниками — Платоном и Аристотелем, философия которых стала оковами, удерживающими его в рамках греческой философской традиции. Для Шестова экстазы Плотина имеют «гносеологическую ценность», поскольку они помогают *проникнуть* в истину, лежащую вне логики и интеллекта и в конечном итоге над самим бытием (р. 154). Оппо пишет, что «для Шестова ценность Плотина состоит в том, что он изучил и суммировал всю аристотелевскую и платоническую традиции; находясь как бы на вершине их, он тем не менее нашел пункт разрыва и в то же время “обновил” традицию» (р. 156). Плотин потерял веру в логос, как это часто повторяет Шестов, и стал ненавистником разума — мизологом — не по причине разочарования или иного чувства, но это был «логический отказ от логики как таковой — *необходимое* преодоление понятия “необходимости”» (р. 156).

По мнению Оппо, поиск Шестова находится в парадигме русского неоплатонизма, для которого логос как образ истинной реальности ставится под сомнение. Несмотря на то что логос — единственный способ достигнуть этой реальности, он оказывается плохим инструментом. Двойственность логоса —

необходимого и вместе с тем ненадежного — является ядром шестовской «философии трагедии» (р. XV).

Трагедия истины

Шестов никогда не покидал сферы разума. Он признавал, что когда мы находимся в рамках обыденного опыта, логика необходима; в то же время он отчаянно боролся с ней. «Как это возможно? Какой это имеет смысл?» (р. 226) — вопрошает Оппо. Автор полагает, что Шестов открыл другой логос: за истиной Афин скрывается иная истина, находящаяся к ней в оппозиции, — истина Иерусалима.

Шестовская философия трагедии, согласно Оппо, оборачивается «гносеологической трагедией», философией противоречия и является вызовом традиционной теории познания (р. 231). Чтобы такая трагедия стала реальностью, необходимо экзистенциальное событие, понимаемое в шестовском ключе, то есть чтобы случилось то, что противоречит нашему знанию. Автор книги заключает, что истинной и, возможно, единственной целью Шестова было исследование противоречивой природы западного логоса (р. 238).

В книге Андреа Оппо содержится много интересных наблюдений, размышлений и гипотез. Так, автор указывает, что переход от раннего идеалистического творчества Шестова к его зрелой мысли происходит в 1898–1899 годах, когда он пишет статью о Пушкине «Значение А. С. Пушкина для нашего времени»³. Если в книге «Шекспир и его критик Брандес» (1898) и работе о Пушкине философ утверждает конечный смысл трагедии в произведениях английского драматурга и русского поэта-романтика — смысл, который оправдывает трагедию, то в более поздних «экзистенциальных» сочинениях трагедия утрачивает моральную цель. Крайне интересной и продуктивной представляется экспликация философской эстетики Шестова. Однако центральная идея книги, согласно которой Шестов оказывается гносеологическим мыслителем, если не полностью нивелирует, то существенно умаляет экзистенциальное и религиозное измерение его мысли. Плотин становится интеллектуальным предшественником Шестова, его историческим *Doppelgänger*'ом. Греческий и русский мыслители выступают философами предела, «антифилософами», устремленными в некую область «невыразимого», обретаемого «по ту сторону западного логоса» (р. 58). Автор книги остается во власти собственной идеи и определенной схемы интерпретации, которая находится в странном разладе с *mentalité* Шестова, его философскими интуициями.

³ Жизнь и искусство. 1899. 26 мая. № 144. С. 1–2.

Информация об авторе: К. В. Ворожихина — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН. Адрес: Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Information about the author: K. V. Vorozhikhina — Ph.D. in Philosophy, Senior Research Fellow at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.09.2021;
принята к публикации 20.10.2021.

The article was submitted 26.09.2021;
accepted for publication 20.10.2021.